

Семь смертей А.С. Макаренко: домыслы и факты

Г. Хиллиг

доктор философских наук, приват-доцент, заведующий лабораторией «Макаренко-реферат» Марбургского университета, иностранный член-корреспондент Академии педагогических наук Украины и Российской академии образования, Марбург, Германия

А.С. Макаренко умер 78 лет назад — 1 апреля 1939 г., на станции Голицыно Белорусско-Балтийской железной дороги, направляясь из пригородного Дома творчества Литфонда Союза советских писателей СССР по служебным и личным делам в Москву. После многолетней успешной работы в должности руководителя учреждений по перевоспитанию несовершеннолетних правонарушителей и беспризорников на Украине, а последнее время в Киеве, Макаренко в феврале 1937 г. переехал в столицу СССР, где отныне, правда, уже менее успешно, стал заниматься «вольным писательством».

Сообщение о кончине педагога-писателя на станции Голицыно можно найти уже в трудах его первого биографа Е.Н. Медынского (1944, 1949)¹, и эта версия никогда не подвергалась сомнению. Однако подробности внезапной смерти (за три недели до этого ему исполнился 51 год) до сегодняшнего дня оставались не до конца выясненными. Это обстоятельство и привело к тому, что по поводу смерти Макаренко появились различные домыслы и, прежде всего, среди его бывших воспитанников. Они, очевидно, просто не хотели поверить в то, что человек, который был для них как отец, мог так внезапно без видимой причины умереть.

В этой статье автор попытается рассмотреть все известные до сих пор сведения о событиях 1 апреля 1939 г. и дать им некоторую оценку. Мысль написать такой материал возникла после прочтения статьи польского эмигранта Г. Герлинга-Друдзинского «Семь смертей Максима Горького», вышедшей в Париже в 1954 г. на польском языке, а в 1980 г., также в Париже, уже в переводе на русский язык в журнале «Континент».

А) Источники.

Речь здесь идет о семи версиях, две из которых (№ № 1 и 6) были опубликованы.

Версия № 1. Московский литературовед Е.З. Балабанович в своей книге «А.С. Макаренко» (1951) пишет:

¹ *Медынский Е.Н.* А.С. Макаренко. Жизнь, деятельность, педагогическая система. — М., 1944, с. 48; тот же, Антон Семёнович Макаренко. Жизнь и педагогическое творчество. — М./Л., 1949. — С. 51.

«1 апреля 1939 г. Макаренко возвращался в Москву из подмосковной дачной местности Голицыно. В руках у него был сценарий, который он вёз на кинофабрику. Макаренко вошел в вагон пригородного поезда, сел на скамейку и сейчас же упал. Успев сказать только: «Я писатель Макаренко», — Антон Семёнович скончался от разрыва сердечной мышцы».²

Версия № 2. Валентина Владимировна Коваль, бывшая воспитанница колонии им. М. Горького, сообщила в 1986 г. в беседе с харьковским макаренковедом Н.Н. Оксой: в годы Великой Отечественной войны она ушла добровольцем на фронт и на фронтовых дорогах случайно встретила военного корреспондента — поэта Джека Альтаузена. Узнав, что Коваль — бывшая воспитанница Антона Семёновича, он сообщил ей отдельные подробности, предшествовавшие смерти Макаренко, свидетелем которых он был:

«Направляясь в дом отдыха «Писатель», он встретился у самой ст. Голицыно с А.С. Макаренко, направлявшимся вместе с женой Галиной Стахивной к московскому поезду. Галина Стахивна, не задерживаясь, пошла к поезду, а А.С. Макаренко задержался. Между ними (Макаренко и Альтаузен. — Г. Х.) завязался оживлённый разговор о делах Союза писателей. Взглянув на часы, А.С. Макаренко заторопился, заявив, что «жена устроит ему очередной скандал, если он опоздает», и быстро направился к поезду. Почти тут же Д. Альтаузен услышал громкие возгласы — «Человеку плохо!».

Версия № 3. Бывшие воспитанники сообщили чешскому макаренковеду Либору Пехе во время его командировки в СССР в 1964 г., что А.С. и Г.С. Макаренко в Москву ехали вместе. Они очень торопились, чтобы не опоздать на поезд. Занятое им в вагоне место Антон Семёнович хотел уступить одному из пассажиров — несмотря на энергичные протесты жены. Во время этой ссоры А.С. Макаренко внезапно умер от сердечной недостаточности.

Версия № 4. С. А. Калабалин, любимец Макаренко из колонистов-горьковцев, руководивший в разные периоды несколь-

кими учреждениями для перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей, во время посещения Болгарии в 1966 г. рассказывал проф. Найдену Чакарову, что слышал следующее: в тот момент, когда Макаренко садился в московский поезд, он был убит ножом одним из бывших его воспитанников, считавшим, что Макаренко однажды несправедливо с ним обошёлся.

Версия № 5. Г.В. Гасилов, бывший сотрудник Наркомпроса РСФСР при А.С. Бубнове, друживший с Макаренко, рассказывал в 1982 г. в беседе с автором этой статьи о «технике смерти А.С. Макаренко» (так Гасилов выразился):

«Он опаздывал к поезду. Транспорта из Дома творчества не было в этот день. Идёт на дорогу, чтобы поймать какую-нибудь машину. Машина подъезжает к вокзалу, а поезд уже подходит. Чтобы успеть, он бежит, впрыгивает, чуть ли не в последний вагон. И через пять минут у него приступ. Станция Голицыно — первая остановка. Он уже без сознания. Акт составил милиционер. Сначала думает, что он пьян. Потом пришла карета скорой помощи, и всё выяснилось».

На вопрос, откуда у него такая информация, Гасилов ответил: «Из документов. Милицейский протокол тоже видел. Был в этом отделении. Там, в протоколе, было указано, что Макаренко в состоянии опьянения был. Сотрудники в Доме творчества в Рузе (sic!) мне сообщили некоторые детали. За два дня до смерти я был у него. Он с радостью говорил о том, что подал заявление о вступлении в партию (это было в Москве). Галина Стахивна должна была больше заботиться о нем в то время».³

Версия № 6. С. И. Фонская, директор дома Литфонда «Писатель», пишет в своей книге «Дом в Голицыне», вышедшей в 1967 г.: Макаренко с женой находились в марте 1939 г. в этом «доме творчества». 1 апреля — стоял мороз, четыре градуса; сейчас же после завтрака Макаренко пошёл один к московскому поезду. Вскоре С.И. Фонской сообщили по телефону о внезапной смерти Макаренко. Дословно она пишет:

² Балабанович Е. А.С. Макаренко. Очерк жизни и творчества. — М., 1951, с.196.

³ Запись беседы с Г.В. Гасиловым. 07. и 21.12.1982 г. Архив лаборатории «Макаренко-реферат» Марбургского университета.

«Я на ходу надела пальто и — бегом на вокзал. Поезд был под парами. На площадке вагона стоял дежурный. Военный.

— Сюда, ко мне.

Я вошла в вагон. На лавке с левой стороны лежал Антон Семёнович. В вагоне, кроме меня и дежурного, никого не было. Дежурный сказал:

Возьмите документы.

Я растерялась.

— Расстегните пальто (покойнику. — Г.Х.).

Дрожащими руками достала я из левого кармана черный бумажник. В нём был железнодорожный билет, вызов в Союз писателей, паспорт и два письма.

Дежурный коротко приложил руку к козырьку, сказал:

— Сразу, легкая смерть... Поезд сейчас отправят. В этом вагоне никого не будет... Сообщите в Москву начальству, а жене скажите: припадок сердечный в вагоне...

Мне было холодно, страшно. Я несла документы. Грело солнце... Вспомнила слова Горького к нему: "Удивительный вы чело-вечище, как раз такой, в котором Русь нуждается".

Я позвонила в Москву, к телефону подошла секретарь Блинникова.

— Так зло не шутят на первое апреля, — сказала она.

Я не выдержала и заплакала.

С крыш падала капель. Пришла из Литфонда машина. Галина Стахивна, я и ещё два человека поехали в Москву».⁴

Версия № 7. В 1986 г. Н. Н. Оксе удалось прочитать в Центральном госархиве литературы и искусства СССР (сейчас — Российский госархив литературы и искусства) в Москве протокол, никогда до этого в макаренковедении не упоминавшийся. Данный документ, «Акт. 1939 г. апреля 1-го дня», написанный черным карандашом на вырванных из конторской книги листах бумаги, гласит:

«Я л/уп ЖДМ ст. Голицыно Выдрин, в присутствии Чибизова Г.Т. и Хондратьева Н.Н. составили настоящий акт о нижеследующем.

с/г числа в 10 ч. 30 минут в п. № 134 на ст. Голицыно зашел гр-н Макаренко Антон Семёнович, который почувствовал себя плохо и прилег на лавочку. Тут же к пассажиру Макаренко А.С. был вызван врач поселка Голицыно, но спустя пять минут гр-н Макаренко, до прихода врача, умер. В 10-43 прибыл врач Столярова, которая констатировала смерть у пас. Макаренко».

Затем следует скрупулезный, включающий 50 пунктов, перечень обнаруженных при умершем предметов и документов. Акт заканчивается словами: «Больше ничего не обнаружено. Труп Макаренко направлен п. 134 в Москву. Опись обнаруженных вещей составлена в присутствии директора дома отдыха «Писатель» Фокиной (sic!)». Кроме милиционера и вышеупомянутых понятых акт подписала также и С.И. Фонская⁵.

Б) Оценка источников.

Прежде чем перейти к подробному разбору этих версий, нужно упомянуть, что их источники неодинаковы по своей достоверности. Некоторые из них получены из вторых или третьих рук, поэтому, возможно, не всегда заслуживают доверия.

Сначала следует сказать, что отличающаяся от всех остальных версия № 4 является плодом фантазии: убийство Макаренко расследовалось бы не только железнодорожной милицией, но и угрозиском. Кроме того, Макаренко был настолько известен, что о таком происшествии обязательно сообщили бы по радио и в газетах. Вспомним: «Вечерняя Москва» в тот же день, т.е. 1 апреля, опубликовала сообщение о его внезапной кончине.

Если не принимать во внимание первую редакцию книги Медынского (1944), в которой в общих чертах говорится, что Макаренко «умер внезапно, на вокзале», во всех приведенных здесь версиях речь идет о том, что он скончался уже после того, как сел в московский поезд и занял

⁴ Фонская С. И. Дом в Голицыне. Рассказы о писателях. — М., 1967, с.83-90, здесь: с.87-89.

⁵ РГАЛИ, 332-4-357.

место на лавке, и когда Макаренко умер, поезд ещё стоял на станции. В этом все версии сходятся, лишь только Гасилов (№ 5) свидетельствует, что Макаренко «впрыгивает чуть не в последний вагон». Однако, ничего нельзя сказать в отношении того, была ли с ним в тот момент Галина Стахивна или нет. С нею, бывшей сотрудницей Наркомпроса УССР, которая в сер. 1920-х гг. какое-то время была его начальницей, они жили вместе с 1929 г., а в 1935 г. официально заключили брак.

В двух версиях (№ № 2 и 3) речь идет о возвращении Макаренко в Москву вместе с женой, т. е. в момент его смерти она была рядом с ним. У Балабановича (№ 1) этот вопрос остается открытым, в то же время в двух других версиях (№ 5 и 6) прямо говорится о том, что Макаренко отправился к поезду один, и в акте милиции (№ 7) его жена даже не упоминается. Не исключено, конечно, что они вместе отправились на станцию (№ 2), а затем сели в разные вагоны. Однако, принимая во внимание остальные свидетельства, такое предположение кажется маловероятным. Да и сама Галина Стахивна, пережив супруга на 23 года, сообщала племяннице Антона Семёновича, Олимпиаде Витальевне Макаренко, что 1 апреля она не пошла с ним к поезду. «На вокзал он шел один, в вагоне был один. Прямо этим поездом привезли его в Москву, в морг, оттуда — в Союз писателей. Не домой».⁶

О том факте, что Макаренко в Голицыне был вместе с женой, до Фонской (№ 6) писала ещё М. Луппол, сотрудница возглавляемой Галиной Стахивной лаборатории по изучению педагогического наследия Макаренко АПН РСФСР, в своей книге «А.С. Макаренко» (1948)⁷. Также и бывший коммунар-дзержинец В.И. Ключник, в то время слушатель Академии бронетанковых войск, сообщает в одном из своих писем львовскому макаренковеду Ф.И. Науменко, что за два дня до смерти Антона Семёновича он встречался в Голицыне с обоими супругами. Макаренко «жаловался, что чувствует себя довольно плохо, собирался в ближайшие дни домой, спешил с окончанием срочных дел».

⁶ Из письма к автору этой статьи, 1988 г.

⁷ Луппол М. А.С. Макаренко. Краткая биография, К 60-летию со дня рождения. — Красноярск, 1948, с.36.

При оценке этой информации надо учесть, что Вася Ключник ещё в коммуне дружил слевой Салько, единственным ребёнком Галины Стахивны от первого брака, которого она боготворила. Поэтому не удивительно, что Вася, как свидетельствует московский учёный-педагог М.Д. Виноградова, бывшая сотрудница макаренковской лаборатории, в своих неопубликованных воспоминаниях, «очень внимательно и нежно относился к Галине Стахивне»⁸, и, можно дополнить, вообще стремился скрывать деликатные моменты ее жизни. По свидетельству московского макаренковеда В.Е. Гмурмана, также сотрудника лаборатории по изучению педагогического наследия Макаренко, Галина Стахивна после смерти мужа — «в эти трудные минуты большой внутренней близости» — «разрешила Ключнику называть ее „мамой“». Позже и Семен (Калабалин. — Г. Х.), тоже добился такого права.

А.С. Макаренко 1 апреля не имел намерения возвратиться окончательно в Москву. Это подтверждается размером его багажа. Фонская (№ 6) пишет, что в момент прибытия в Голицыно «в руках у него был небольшой чемоданчик», а в поезде, как это явствует из акта (№ 7), — только «черный портфель» (п.47). Если не считать «носовых платков 7 штук» (п. 43), одежды у Макаренко с собой не было.

Как следует из его письма другу — писателю А. О. Авдеенко — от 13.03.1939 г., Макаренко запланировал свое пребывание в Голицыне с 15 марта «на месяц».⁹ 27 марта Галина Стахивна, уже находясь в Доме творчества, информировала сына (который после защиты диплома авиационного инженера уехал отдыхать в санаторий в Кисловодск) о том, что она ещё в Москве заболела и поэтому отъезд в Голицыно откладывался — лишь 18 марта супругам удалось выехать.¹⁰

Гасилов (№ 5) тоже утверждал, что за два дня до смерти Антона Семёновича он был у

⁸ Архив лаборатории «Макаренко-реферат»

⁹ Серия «Неизвестный Макаренко», вып. 9. Сост. и авт. очерка С. С. Невская. М., 1998. С. 98.

¹⁰ «Береги себя!!!» Переписка Г.С. и А.С. Макаренко с сыном (1927-1939). Сост.: С. Невская и Г. Хиллиг. Марбург, 2001 (серия «Opuscula Makarenkiana», №. 24). — С. 248.

него в Голицыне и застал там его одного — с Галиной Стахиевной он познакомился только лишь после смерти Макаренко. Конечно, можно предположить, что оба эти свидетеля (Клюшник и Гасилов) встретились с Макаренко в Голицыне 30 марта в разное время дня и поэтому, возможно, один из них Галину Стахиевну не застал. Однако, исходя из других источников, это можно исключить.

Так, из цитированного выше письма Г.С. Макаренко от 27.03.1939 г. к сыну, несомненно, явствует, что Вася Клюшник был в Голицыне раньше, чем он об этом писал Ф. И. Науменко. В то время, когда Галина Стахиевна заболела, Макаренко находился в Харькове, Вася «сидел» в комнате Левы в макаренковской квартире и ждал приезда своего друга. О том дне, когда он был в Голицыне в гостях (26 марта), в письме Г. С. Макаренко говорится: «мы с ним гуляли много, а отец кончал сценарий».¹¹ К этому вопросу я ещё вернусь.

Виктор Финк, московский сосед Макаренко по писательскому дому в Лаврушинском переулке, в своих «Литературных воспоминаниях» подтверждает, что о смерти Макаренко в Союз писателей сообщила Фонская.¹²

То обстоятельство, о котором говорит Гасилов, что сначала Макаренко приняли за пьяного, в акте, правда, не упоминается, однако это и не исключено. Возможно, что данную деталь Гасилов узнал от сотрудников дома отдыха в Голицыне.

Версия № 3, сообщающая о ссоре между Галиной Стахиевной и Макаренко, объясняется неблагоприятным мнением, сложившимся у большинства бывших воспитанников о его жене. Это дает, скорее, представление об отношении колонистов и коммунаров к Галине Стахиевне, чем о ее предполагаемой вине в смерти мужа.

Н.В. Назаренко, бывший горьковец и дзержинец, рассказывает в своих неопубликованных воспоминаниях о том, как он и ещё

трое воспитанников — все они были курсантами подмосковного военно-технического училища — узнав вечером 1 апреля по радио о смерти Макаренко, поехали на следующее утро в город. В квартире Макаренко в Лаврушинском уже были В. И. Клюшник и ещё несколько человек. Галина Стахиевна, как свидетельствует Назаренко, «убитая горем, лежала в постели, подниматься ей врач запретил».¹³ Лев Салько тогда же ещё находился в Кисловодске. Олимпиада Витальевна с лета 1938 г. уже не жила с А.С. и Г.С. Макаренко; она училась в Харьковском пединституте иностранных языков, но 2 апреля, как и Лев Салько, Семён Калабакин и другие бывшие воспитанники, поехала в Москву и встретила в квартире дяди Галину Стахиевну и Васю Клюшника.

«Так что всю подготовку похорон мы, коммунары, взяли на себя» — пишет Назаренко. Несколько мальчиков и девочек в эти дни были с больной Галиной Стахиевной и «не оставляли ее ни на одну минуту. Нужно было посматривать и за кабинетом Макаренко, потому что были любители "порыться" в архиве Антона Семёновича, а наша обязанность — сохранить его для будущего поколения». Из-за болезни Галина Стахиевна не смогла принять участие в траурном митинге 4 апреля в зале заседаний Дома писателей, где 2 апреля был установлен гроб с телом Макаренко, а также и в похоронах на Новодевичьем кладбище.

Но можно ли считать достоверной до сих пор самую распространенную версию № 1 (Балабанович), согласно которой последними словами умирающего якобы были: «Я писатель Макаренко»? При этом, по всей вероятности, речь идет о выдумке Галины Стахиевны, которая, как известно, снабдила Балабановича и других биографов мужа отчасти достоверными, но также и сфабрикованными источниками. Акт милиции (№ 7) не был известен всем вышеупомянутым авторам; в макаренковский фонд ЦГАЛИ вместе с другими «деликатными» материалами, которые вдова держала у себя, он поступил лишь после ее смерти. Слова о «писателе Макаренко» следует, очевидно, рассматривать как стилизацию содержащихся в акте выска-

¹¹ «Береги себя!!!» Переписка Г.С. и А.С. Макаренко с сыном (1927-1939). Сост.: С. Невская и Г. Хиллиг. Марбург, 2001 (серия «Opuscula Makarenkiana», Nr. 24). — С. 249.

¹² Финк В. Литературные воспоминания. — М., 1967.

¹³ Архив лаборатории «Макаренко-реферат».

званий о «пассажире» и «гражданине» Макаренко.

В) Причины поездки.

Вспомним: Фонская (№ 6) упоминает о том, что у Макаренко, когда он собирался ехать 1 апреля в Москву, с собой был вызов в Союз писателей. Он ей рассказывал за завтраком: "Еду в Москву, в Союз. «Флаги на башнях» должны, что ли разбирать. А мне ещё домой нужно заехать". Перечень найденных при нем вещей содержит 4 «отношения», датированных 26.ІІ, 10, 14, и 15.ІІІ. 39 г. без данных об их отправителях и содержании — п.п.15, 16, 22, 23.

По описи вещей и документов, обнаруженных железнодорожной милицией у Макаренко в тот день, можно предположить, что у него были в Москве и кое-какие личные дела. Он собирался, например, отправить письма (п. 30), а также, по всей вероятности, получить в Литфонде деньги по бюллетеню, предоставленному им с 1 марта 1939 г.¹⁴, и положить их на сберкнижки (две на имя А.С. Макаренко у него были с собой, с остатком 12 руб 93 коп и 12 руб. 98 коп — п.п.4, 5¹⁵, а также немного наличных денег: 133 руб, п. 9). Как видно из письма директора Литфонда СССР к А.С. Макаренко от 26 февраля 1939 г., в то время «расчеты по бюллетеням производились бухгалтерией ЛФ ежедневно (за исключением выходных дней) от 3-х час дня до 4 час дня».¹⁶ Однако, для чего ему нужны были в тот день все личные документы — паспорт (п. 1), членский билет Союза писателей (п. 10), орденская книжка (п. 3), да ещё и паспорт жены (п. 2), — этот вопрос пока остается открытым. Впрочем, 1 апреля 1939 г. у него с собой не было сберкнижек жены, на которых находилось, как мы теперь знаем, значительно больше, чем у него, денег: на них Макаренко откладывал большинство своих писательских гонораров и авансов.

Со времени публикации книги М. Луппол (1948), в макаренковедении причиной поездки Антона Семёновича в Москву в тот день считается его участие в заседании киностудии «Союздетфильм», на кото-

ром должен был обсуждаться написанный им сценарий. Здесь, очевидно, речь идет о законченной в Голицыне рукописи с условным названием «Командировка» (см. отмеченные в акте милиции «десятки п-л, печатанных на машинке», п. 36). Как говорится в комментарии к публикации этого произведения в «Сочинениях» А.С. Макаренко, одобренный киностудией сценарий 29 марта 1939 г. был принят к постановке. 1 апреля Макаренко, якобы, собирался высказать свои соображения по поводу отдельных замечаний, сделанных рецензентами сценария.¹⁷ Однако, исходя из очень малого промежутка времени между окончанием работы над сценарием (26 марта) и несостоявшейся поездкой в Москву (1 апреля), похоже, что Макаренко хотел свою только что законченную рукопись лично передать в киностудию.

В акте (п. 20) упоминается и «рекомендация от 11/ІІІ-39 г.». Имеется в виду, без сомнения, бумага, полученная Макаренко от своего бывшего воспитанника И.П. Сопина из Харькова, члена партии с 1930 г.¹⁸, в связи с подачей Антоном Семёновичем заявления от 15 февраля о приеме кандидатом в члены ВКП(б). На основании этого можно предположить, что в Москве Макаренко хотел зайти также и в партком Союза писателей, чтобы отдать эту рекомендацию. Правда, заседание парткома, в котором, согласно протоколу данного мероприятия, принимал участие и сам Макаренко, состоялось ещё 16 марта. Именно там ему задавали вопросы о его прошлом и о родственниках, живущих за границей (в т. ч. о связи с родным братом Виталием, эмигрировавшим в 1920 г.).¹⁹ А общее партийное собрание Московской организации Союза писателей, на котором окончательно должно было быть рассмотрено заявление Макаренко, назначалось на 4 апреля. Об этом упоминается и в некрологе Президиума Союза советских писателей, опубликованном в «Литературной газете» от 5 апреля.

Калабалин во время посещения соцстран Восточной Европы в 1966 г. в г. Оломоуц

¹⁴ См.: РГАЛИ, 332-1-50, лл.7-8.

¹⁵ РГАЛИ, 332-4-355, лл.8, 13.

¹⁶ Там же, 332-1-50, лл.7-8.

¹⁷ Макаренко А. С. Сочинения. В 7-ми т.; 2-е изд. — М., 1957-58. Т. 6. — С.446.

¹⁸ РГАЛИ, 332-1-47.

¹⁹ Институт мировой литературы им. А. М. Горького. Отдел рукописей, 114-1-5, л.5.

сообщил Л. Пехе, что Макаренко получил вызов в Союз, это и было настоящей причиной его запланированной поездки в Москву 1 апреля 1939 г. На основании вышеупомянутых высказываний это все же исключено — не говоря уже о том, что такую информацию Калабалин мог получить лишь из вторых рук, т. к. в то время он ещё находился в Виннице, а сам Макаренко в письмах к Калабалину ни словом не упоминает о своем намерении вступить в партию. К тому же не нужно забывать странное свидетельство этого «поверенного» в делах Макаренко во время посещения им Болгарии (версия № 4)...

В 2004 г. М. Д. Виноградова в беседе с автором данной статьи, пожалуй, назвала настоящую причину отъезда Макаренко в Москву 1 апреля 1939 г.: в этот день он должен был читать лекцию для слушателей столичного Литературного института. Данные сведения она получила от одного из учащихся соответствующего курса института, слушатели которого напрасно ждали приезда своего лектора и сообщили об этом руководству учебного заведения. Лекция Макаренко, очевидно, имела отношение к поддержке деятельности института Союзом писателей. Так, его Секретариат в постановлении от 21 июня 1937 г. установил подробную рабочую программу «братской помощи» для Литературного института.²⁰

Г) Причина смерти.

Вскрытие показало — об этом пишет и Балабанович (№ 1), — что Макаренко скончался от разрыва сердечной мышцы. Как сказала О. В. Макаренко в 1971 г. в беседе со мной и моим коллегой З. Вайтцем, его сердце «было буквально разорвано на две части» — такого обследовавший его патологоанатом М. Б. Ценцилер ещё никогда не видел.²¹

Известно, что у Макаренко было больное сердце. Как свидетельствует Виталий Семёнович, определенную роль в этом сыграла и наследственность по линии матери.²² В молодости с Макаренко были

случаи «беспричинной» потери сознания. В начале января 1935 г., ещё в Харькове, состояние его здоровья резко ухудшилось: у него был тяжёлый сердечный приступ с потерей сознания, после чего Антона Семёновича в марте того же года положили на обследование и лечение в Одесском кардиологическом институте. А 5 августа 1938 г., уже в Москве, прямо на улице, в Лаврушинском переулке, он (как видно из его переписки) вновь упал в обморок. О подобном случае, произошедшем в Киеве 18 ноября 1936 г., свидетельствует записная книжка Макаренко.²³

Тревожное состояние здоровья послужило причиной того, что в последние месяцы жизни врачи запретили Макаренко работать. Однако он составил для себя убийственную программу писательской работы и заключал все новые и новые договоры с редакциями издательств и журналов, чтобы получить авансы. Рентгенологическое обследование в Кисловодском санатории им. Горького 1 ноября 1938 г. показало, что его сердце «незначительно увеличено».²⁴ Поэтому, очевидно, он и считал себя в безопасности.

Особенно, конечно, вредило состоянию его здоровья курение. Вышеупомянутый Назаренко рассказывает о своем последнем посещении Макаренко в феврале или марте 1939 г. В этот день его пришли навестить и другие бывшие воспитанники. Поздоровавшись, Макаренко сразу же угостил своих гостей папиросами. Сам он тоже курил. Вот фрагмент из воспоминаний Назаренко:

« — Вредное это дело куренье, а я курю очень много. Мне не хватает четырех пачек, иногда бывают дни, когда я выкуриваю 120 папирос. Понимаю, что нехорошо, но ничего не могу сделать для того, чтобы бросить курить или хотя бы сократить количество выкуриваемых папирос, — говорил нам Макаренко, а сам разминал очередную папиросу».

Так что нет ничего удивительного в том, что среди вещей, обнаруженных у Макаренко после его смерти, оказались и —

²⁰ См. РГАЛИ, 631-15-165, л.59.

²¹ Запись беседы с О. В. Макаренко. 11.09.1971 г. Архив лаборатории «Макаренко-реферат».

²² См.: Макаренко В. Мой брат Антон Семёнович.

Воспоминания, письма. — Марбург, 1985 (серия „Opuscula Makarenkiana“, №3). — С. 26, 48.

²³ Архив лаборатории «Макаренко-реферат».

²⁴ РГАЛИ, 332-1-50, л.3.

как описано в акте милиции — «две пачки папирос, открытые обе, начатые, т. е. неполные», а также «три коробки спичек» (№ 7, п.п.49, 50).

Во время моего пребывания в Москве в связи с пятидесятой годовщиной со дня смерти Макаренко, до меня дошли рассказы о том, что в событиях 1 апреля 1939 г. якобы сыграли роль также и политические моменты. Так, писатель Михаил Рощин в интервью, данном по моей просьбе корреспонденту агентства печати «Новости» В.И. Пылеву, утверждал, что «смерть в 1939 г. у спасла его, наверное, от тогдашних репрессий. Мы напали на источники, которые, возможно, помогут найти ордер на его арест». ²⁵ В данном случае, скорее всего, имеется в виду свидетельство ученого-педагога Э.И. Моносзона, работавшего в конце 1930-х гг. в I зам. начальника управления начальных школ Наркомпроса РСФСР, высказанное им в беседе с редактором «Учительской газеты» Б.В. Волковым. Последний рассказал мне, что Макаренко в феврале-марте 1939 г. хлопотал о месте директора одной из школ г. Москвы: он «приходил к нам, просил себе школу, был очень увлечен всем этим. Но нам было жаль его: ордер на его арест был, можно сказать, подписан». Сведения о том, что Макаренко ещё летом или осенью 1938 г. предпринимал безуспешные попытки возглавить московскую школу, подтверждаются и другими свидетелями. Однако для утверждения того, что в начале 1939 г. его ждал неминуемый арест, до сих пор нет конкретных и однозначных доказательств.

Вместе с непосильной физической нагрузкой сыграли, без всякого сомнения, определенную роль во внезапной кончине Макаренко и психические факторы. В то время его брак с Галиной Стахиевной, о чем можно судить по различным источникам, стал только формальностью и он даже решил развестись с ней. Согласно свидетельству О. В. Макаренко в беседе с автором этой статьи в 1987 г., Галина Стахиевна призналась жене своего двоюродного брата: «Знаешь, Катя, если бы Тося (А.С. Макаренко. — Г. Х.) не умер, он бы меня бросил».

²⁵ Интервью для журн. „Sowjetunion heute“ № 3 за 1988 г. В опубликованной в нем версии (с.56-57) это место опущено. Архив лаборатории «Макаренко-реферат».

Здесь уместно упомянуть о возобновлении переписки Макаренко с женщиной, которой он в 1920-е годы — до знакомства с Галиной Стахиевной — писал пыльные любовные письма. Эта женщина, Ольга Петровна Ракович, после девятилетнего перерыва в переписке поздравила Макаренко с днем рождения (13 марта 1939 г.). Неожиданное письмо из далекой Полтавы вызвало у него эмоциональный подъем. Макаренко отвечает сразу же, он пишет: «Для меня приятно было прочитать, что Вы одна», признается ей в своем одиночестве и покинутости: «В руках у меня нет такого дела, которое я готов защищать до последней капли крови». Кроме того, он уверяет ее в своей любви и преданности: «... я искренне Вас почитаю и горячо Вам предан душой». ²⁶ Следующее письмо Ольге Петровне Макаренко написал 28 марта и сам отослал его — как свидетельствует штамп одного из московских почтовых отделений на конверте — 29-ого ²⁷, в свой последний приезд в столицу для чтения доклада на совещании учителей Ярославской железной дороги, которое стало его последним публичным выступлением. Вероятно, ему было важно, чтобы его жена ничего не узнала об этой возобновившейся связи.

Однако есть другое событие, имевшее более тяжелые последствия и влияние на состояние здоровья Антона Семёновича...

Вернёмся ещё раз к воспоминаниям В.В. Коваль о том, что Макаренко на станцию Голицыно шел на поезд вместе «с женой». Об этом бывшей воспитаннице поведал поэт Джек Альтаузен (№ 2). Постсоветское макаренковедение, за исключением моего соратника Н.Н. Оксы из Мелитополя, до сегодняшнего дня не хочет принимать к сведению, что к тому времени вместо официальной жены Галины Стахиевны фактически у Макаренко уже была гражданская жена Роза Липовна Берлин — долгое время занимавшая пост Председателя Всеукраинской комиссии по делам несовершеннолетних НКП УССР (в «Педагогической поэме» — Джуриная), а в 1930-е годы работавшая директором средней школы

²⁶ Архив лаборатории «Макаренко-реферат».

²⁷ Там же.

№ 30 Таганского района г. Москвы²⁸. В списке «друзей» и «врагов» колонии им. М. Горького, составленном для работы над «Педагогической поэмой» в начале 1930-х гг., Роза Липовна занимает среди «друзей» второе место. Макаренко был с ней очень дружен, и «в последние дни своей жизни», как сообщает Л.Т. Коваль, муж Валентины Владимировны, в беседе с Н.Н. Оксой: «Антон Семёнович связал свою жизнь с Розой Липовной». Именно с нею Макаренко отдыхал несколько дней в Голицыне, и именно она 1 апреля 1939 г. сопровождала Антона Семёновича на ж. д. станцию; при этом Альтаузен вполне мог принять ее за его жену. Галина Стахиевна после «очередного скандала» в доме отдыха Литфонда, получив неофициальный развод, уехала в город ещё в марте. Вот почему Р.Л. Берлин, как явствует из ее письма к Л.Т. Ковалю (по свидетельству Н.Н. Оксы, видевшего это письмо), предполагала себя виновной в смерти Макаренко...

Цитированное выше показание Фонской о ситуации в Доме творчества после кончины А.С. Макаренко: «Пришла из Литфонда машина. Галина Стахиевна, я и ещё два человека поехали в Москву», на основании свидетельства супругов Коваль придется отклонить — оно выдуманно для защиты чести вдовы «выдающегося советского педагога и талантливого писателя» (так называли Макаренко в СССР). Его жена вернулась в Москву раньше — она хорошо понимала, что с приездом в Голицыно своей бывшей коллеги по работе в Наркомпросе УССР совместная жизнь с Антоном Семёновичем закончилась.

В 1991 г. московский макаренковед С.С. Невская узнала, что в 1960-е гг. некто, пожелавший остаться неизвестным, предложил ЦГАЛИ СССР купить у него написанные рукой Макаренко «письма любовного содержания». Адресат этих

писем — Роза Липовна Берлин²⁹. Но из-за недостатка средств сделка не состоялась.

Д) Результаты исследования.

На основании рассмотренных здесь свидетельств можно следующим образом восстановить последовательность событий, приведших 1 апреля 1939 г. к внезапной смерти педагога-писателя.

А.С. Макаренко приехал 18 марта со своей женой, Галиной Стахиевной, в Дом творчества «Писатель» в подмосковное Голицыно. Здесь он находился около двух недель, сначала с женой, а затем с другой спутницей — давней подругой, Розой Липовной Берлин. 1 апреля утром он хотел поехать по служебным и личным делам на день в город. На вокзал его провожала Роза Липовна. Он упал, потеряв сознание, сразу же после того, как сел в поезд. Дежурный милиционер станции Голицыно увидел лежащего на скамейке человека в бессознательном состоянии и принял его, пожалуй, за пьяного. Вызванный из поселка врач, приехавший в 10 ч. 43 мин., установила смерть «пассажира Макаренко». Поезд задержали, и по телефону известили о случившемся директора Дома творчества С. И. Фонскую, которая тут же побежала на станцию. Там ее повели в вагон, освобожденный от пассажиров, и она помогала железнодорожной милиции при описи документов и вещей, обнаруженных у умершего. После заполнения соответствующих документов поезд с телом Макаренко отправился в Москву.

Кончина выдающегося педагога и известного писателя Антона Макаренко вызывает в памяти воспоминания о смерти другого выдающегося педагога и великого писателя, который в 1910 г. также умер в одиночестве, на железнодорожной станции — Льва Толстого.

²⁸ См.: Нестеров В. Директор. // «Средняя школа». — 1936, № 11. — С.39-45.

²⁹ Версия Г. Хиллига. С. Невская считает, что это была другая женщина.